

Тем временем в Вестеросе. . .

Были времена, когда Джон Аррену очень хотелось позволить себе напиться.

Он строил заговоры и интриги более двух десятилетий, молясь о возможности свергнуть Таргариенов. Короли-драконы были бедствием для Вестероса, их пристрастие к черным искусствам и их нечестивое предпочтение спаривания брата с сестрой навлекло на королевства суд богов. Восстание Воинствующей Веры, Танец Драконов, Восстания Блэкфайра — все это напрямую связано с неправильным правлением Тагариенов. Даже те немногие произведенные ими короли, которые были достойны этого имени, не могли уравновесить чашу весов против гражданской войны.

Наконец, он достиг своей цели. После двух десятилетий тщательного планирования Таргариены были свергнуты, а те немногие, кто остался, изгнаны из Вестероса. При этом он потерял семью и дорогих друзей, но по сравнению с одержанной им победой было бы грубо подсчитывать цену. Таргариены были свергнуты, король вестеросского происхождения воссел на трон объединенного Вестероса, и наконец-то он смог заняться превращением Вестероса в нацию, а не просто лоскутное одеяло из враждующих королевств.

И тогда боги сочли нужным почти полностью вырвать приз из его рук. Роберт, этот импульсивный, эгоистичный, упрямый, блестящий молодой человек, отказался от Железного трона ради собственной ссоры с Рейгаром. И Эддард, от которого Джон зависел, чтобы удержать Роберта на прочном фундаменте, ушел с ним. Если бы его заставили, он бы признал, что в их деле есть справедливость, но он думал, что лучше научил Роберта; что долг лорда, а тем более короля, заключался в том, чтобы отложить в сторону свои собственные желания и ненависть ради блага своего народа.

По крайней мере, Эддард, казалось, усвоил его уроки в этом отношении близко к сердцу. Это была собственная глупость Джона, который забыл о важности, которую северяне придавали мести за рану.

Теперь Роберт и Эддард ушли за море, а Джону осталось попытаться спасти Семь Королевств от второй смены королей менее чем за год. К счастью, у него был многообещающий материал для работы. Станнис был послушным, добросовестным и обладал сильным чувством справедливости, которое Джон находил одновременно освежающим и потенциально полезным. Некоторых королей можно было с некоторой долей справедливости назвать «Великими», но их достижения, как правило, были эфемерными, за заметными исключениями. С другой стороны, те короли, которые заслужили прозвище «Законодатель». . .

Проблема была в том, что Станнис был тактичен, как дикий кабан. Когда он узнал, сколько лордов Королевской земли и Узкого моря отправились в изгнание вместе с Таргариенами, он, не теряя времени, объявил, что все их дома захвачены, а их земли переданы короне. Росби, Сумеречная долина, Шарп-Пойнт, Браунхоллоу, Свитпойнт-Саунд, Остров Когтя, Дрифтмарк — все владения, занятые сторонниками Таргариенов, которые последовали за драконами в изгнание, были захвачены королевскими войсками и переданы людям, служившим в Восстании; в основном штурмовики, жители реки и валеменцы, но также и некоторые жители Запада и даже несколько северян. Более того, эти люди не были сделаны лордами сами по себе, а вместо этого носили титул королевского кастеляна и присягали на верность непосредственно Железному трону. Лишь несколько знатных домов Королевских земель, такие как Мэсси, Баквелл и Гонт, примирившиеся с результатом Восстания и присягнувшие на верность новой династии, сохранили свои земли и относительную автономию. Джон одобрил эту теорию, но на самом деле это сделало Станниса уязвимым для обвинений в том, что он еще

больший тиран, чем Эйрис. Даже после Сумеречного Дола Эйрис не проводил таких масштабных арестов и конфискаций.

Королевский Орден Бури был еще одним нововведением, к которому Джон испытывал смешанные чувства. Можно с полным правом сказать, что Королевская гвардия прекратила свое существование, поскольку никто из них не остался, кроме тех, кто служил Рейгару. И даже если кто-то поступил на службу к новой династии, их отсутствие действий по предотвращению преступлений Безумного Короля или Принца-Похитителя основательно запятнало честь Белых Плащей; все авторитеты в области рыцарства, когда их спросили об их мнении, сошлись во мнении, что рыцарь, помогавший своему сюзерену в совершении преступления, навлек на себя позор и лишился права именоваться рыцарем, хотя все они также согласились, что такой рыцарь не мог бы сам быть обвинен в преступлении, если бы они только и делали, что подчинялись приказам своего сюзерена. Джон одобрял заявление Станниса о том, что их будет сорок девять; конечно, это ослабило бы честь каждого отдельного положения в Ордене, но увеличение численности позволило бы Ордену более эффективно охранять королевскую семью, и значение числа, семь раз по семь, нашло отклик у Верных. Несомненно, верховный септон очень хотел благословить знамя Ордена и засвидетельствовать присягу его рыцарей, когда они были найдены и посвящены в должность. Это, как оказалось, заняло некоторое время, поскольку Станнис настоял на том, чтобы его «Стражи бури», как они быстро стали известны, были выбраны как за их приверженность законам королевства, так и за их навыки обращения с оружием; до сих пор был выбран только двадцать один рыцарь, в то время как Станнис или лорд-командующий Пенроуз отвергли втрое больше, причем некоторые из них с резкими словами.

К счастью, остальные советники Станниса по большей части были достаточно компетентны. Деймон Ланнистер был слабой тросточкой, но финансы Короны хорошо восстанавливались под его надзором. Руз Болтон реформировал Городскую стражу с необычайной эффективностью; если простые люди шептались, что Хозяин Законов был колдуном, запятнанным кровью Белых Ходоков, по крайней мере, это, казалось, помогало сдерживать преступность. Пакстер Редвин был солидным, если не воодушевленным, а Королевский флот уже восстановил до двадцати галер, и еще тридцать должны были быть построены в течение следующих трех месяцев. Единственной настоящей ложкой дегтя был дальний двоюродный брат Джона Джерольд из ветви семьи Галлтаун. Не то чтобы Джерольд был откровенно некомпетентен, Джон не выдвинул бы его кандидатуру, если бы он был таковым, но он был склонен к самоуспокоенности. Во-первых, Джеральд был почти пресыщен тем, как мало у них было новостей из Дорна.

Джон, с другой стороны, явно боялся молчания Дорна. За последний месяц они узнали от Дорна только две вещи. Во-первых, что Оберин Мартелл покинул пустыню и теперь посещает пограничные дома в Красных горах. Во-вторых, и только сегодня утром на скоростном корабле прибыло сообщение о том, что принц Доран потребовал, чтобы люди, убившие его сестру и ее детей, были переданы ему для казни.

Джон устало вздохнул. Они не могли ожидать ответа от Тайвина Ланнистера в ближайшие две недели, но Деймон посмеялся над требованием; Он заявил, что ни за какие специи на востоке его кузен не откажется от своих любимых убийц. В любом случае, Грегор Горный, который был главным подозреваемым, отправился в Эссос как заклятый щит юного Джейме, и Джону не нужно было говорить, что Тайвин съест собственные пальцы, прежде чем лишит своего сына и наследника такой защитник. Тот факт, что Оберин почти наверняка воспримет такой отказ как повод для войны, даже если Доран этого не сделает, не был замечен ни Деймоном, ни Джерольдом.

Станнис, однако, увидел возможную опасность, когда Джон упомянул об этом после собрания совета, и лордам-пограничникам, как Штормовых земель, так и Предела, было разослано сообщение, чтобы они были начеку против вторжений из Дорна. Джон знал, что, вероятно, дело было в том, чтобы таскать вино в Арбор, чтобы сказать лордам-пограничникам остерегаться Дорна, но, тем не менее, это нужно было сделать; даже если из этого ничего не выйдет, это продемонстрирует, что Железный Трон помнит об опасностях, с которыми могут столкнуться его подданные.

Джон усилием воли выбросил этот вопрос из головы. Достаточным на сегодняшний день было зло от этого, как его духовник настаивал на напоминании ему; он сделал все, что мог, чтобы защититься от Дорна, и были другие проблемы, которые требовали его времени, даже если они не вызывали у него такого страха. По крайней мере, Станнис не терял времени зря, забеременел Серсея.

XXX

Люди не ценили тяжелую работу; это было то, чему Мейс Тирелл учился снова и снова на протяжении всей своей жизни.

Он воспользовался теплым и ясным днем, чтобы прогуляться по саду, на этот раз один, за исключением своих верных телохранителей, но часто забывал об их присутствии. Как и подобало людям их профессии; лучшим телохранителем был тот, кто знал, как сделать себя невидимым, пока он не понадобится.

Он специально поблагодарил людей, которые позаботились о награде, которая дала имя Хайгардену. Ни один замок во всем Вестеросе не был более красивым, более заботливым для души. Мало того, что сады придавали красоту тому, что в противном случае было бы бесплодным камнем, но и среди цветов были укрыты овощи и травы, которые со временем украсят банкетные столы замка. Слуги утверждали, что это сам Гарт Гринхэнд спланировал планировку садов, но Мейс знал обратное. Конечно, Зеленорукие, возможно, заложили оригинальные сады, но столетия спустя более мирские руки оставили свой след. Сады были изменены, переделаны и полностью заменены несколько раз за эти годы либо из-за упадка, либо просто из-за того, что у повелителя времени был другой вкус в цветах, чем у его предшественника.

Тем не менее они окрепли. И те, кто сделал их сильными, заслуживали уважения.

Но он, как Верховный Лорд Предела, им не был.

Они считали его дураком. Даже его собственная мать, невыносимая женщина. Любить ее так, как любил он, у нее, казалось, не было больших амбиций, кроме как подорвать его авторитет, чтобы она могла править от его имени. Так же, как она свела его отца в раннюю могилу; Мейс не мог ничего доказать, но он знал, что его отец не такой дурак, чтобы спрыгнуть со скалы, не желая того.

Она упрекнула его за то, что он ответил на призыв Королей. Потом, когда он вернулся, помирившись с мятежниками, она назвала его за это дураком. Невозможность ситуации, с которой он столкнулся, казалось, ускользнула от нее. Хонор потребовала, чтобы он ответил на призыв своего короля. И когда Тайвин Ланнистер, этот позолоченный убийца, уничтожил королевскую семью и присоединился к мятежникам, его долг защищать свою семью требовал, чтобы он заключил мир на самых лучших условиях, которые он мог получить.

Не то чтобы могучая Королева Шипов заботилась об этом. Нет, все были ниже ее, все мужчины

были дураками, а все женщины умнее ее. Ее вообще заботило, как ее репутация навредила их дому? Предел не был Дорном, где с уважением встречали шепот о правящей женщине. Его гордые владыки видели только слабость и презирали за нее своих повелителей.

Она сказала ему то же самое, что и его собственные шпионы; что многие из его знаменосцев замыслили против него заговор. Конечно, его знаменосцы замыслили против него заговор, дворянам свойственно замысливать, но что ему было делать? Взять пример с Тайвина Грозного и отвечать на инакомыслие огнем и мечом, пока Предел не станет красным от крови?

Лорды Предела вели непрерывные заговоры с тех пор, как Тиреллы впервые селились на Розовом троне; несмотря на все их ворчание, Мейс не боялся, что они поднимут открытый мятеж. Во-первых, несмотря на варварство Ланнистеров, не все повстанцы были людьми типа Тайвина. Джон Аррен был очень услужлив, и даже Станнис, казалось, понимал важность чести.

На самом деле, подумал Мейс, вставая на одно колено при виде сорняка среди розового куста, восстание может быть не так уж и плохо.

Это была еще одна причина, по которой он не боялся бунта; его верные люди намного превосходили числом тщеславных и отчаянных, которые должны были мечтать о славе, потому что им не хватало ее, и были гораздо более сплоченными, чем ворчуны. Флоран слишком усердно выставлял напоказ свое происхождение, чтобы понять, что его гордость отталкивает его потенциальных сторонников. Пикс заработали репутацию переживших неудачи, но только тем, что пожертвовали всем и всеми, кто не был необходим для достижения их желаемой цели. Хайтауэры откладывали и колебались и почти никогда не перекладывали свой вес на ту или иную фракцию, пока исход не был уже решен. Ни один из них, ни любой другой из домов, жаждавших Хайгардена, не доверял кому-либо другому занимать Розовое трон.

Не то чтобы это имело значение. Даже если не принимать во внимание верные дома Предела, земли Хайгардена были богаты, а его владыка широко славился своей щедростью по отношению к тем, кто хорошо ему служил. Пятьсот рыцарей и латников носили ливреи Мейса Тирелла и ели его еду; во всем Вестеросе только Тайвин Ланнистер мог собрать такую сильную свиту.

Жаль, что случилось с Рейгаром, размышлял Мейс, осматривая розовый куст в поисках пути к сорнякам. Он с трудом мог поверить, что принц насильник. Может быть, дама искала спасения от своего хама предполагаемого? Боги знали, что Роберт не был осторожен в своем распутстве. Рейегар всегда был странным человеком, и, конечно же, он выглядел как «идеальный и благородный рыцарь», прямо из песен королей-Гарденеров. Был ли он просто увлечен романтикой происходящего, как это бывает с мужчинами?

«Почему» и «зачем» не имеют большого значения, напомнил себе Мейс. С Рейгаром было покончено, изгнанный с берегов Вестероса, чтобы никогда не вернуться. Если бы он был мудр, он бы уничтожил Роберта Баратеона и начал новую жизнь на востоке; судя по тому, что Мейс слышал, он уже нашел для себя новое королевство в Мире.

Кислый Олень не представлял угрозы, несмотря на всю свою суровость. Станнис легко наживал врагов, но если он уловил хотя бы дуновение дракона в любом мятеже, нацеленном на Хайгарден, королевские рыцари с грохотом пронесли бы по Дороге Роз. И хотя Мейс никогда бы не согласился на то, чтобы собак Тайвина выпустили на его земли, они были бы прекрасной угрозой, нависшей над головой любого, у кого есть идеи выше их положения.

С отточенным с детства умением он выдергивал сорняки из розового куста, даже не задевая шипов. Если бы его мать была там, она, вероятно, сказала бы, что боги сделали его садовником, а не лордом.

Пусть она издевается. История запомнит его как лорда, который вел Дом Тиреллов в эти смутные времена и расширял их власть. И она, и остальные насмешники будут либо забыты, либо осмеяны, когда его противники одержат победу.

Сильнее становились его домашние слова; по милости богов Мейс Тирелл планировал действительно стать очень сильным. И казалось, что дорнийские псы будут помогать ему в пути, если то небольшое, что он слышал из этой забытой богами адской дыры, было правдой. Пусть Красная Змея кусает, как ему вздумается. Несчастье дома Мартеллов стало бы неожиданной удачей для дома Тиреллов, если бы Мейс что-нибудь сказал по этому поводу.

XXX

— Пункт двадцать семь, — сказал мейстер Лювин, — спор между лордом Карстарком и лордом Мандерли относительно их соответствующих прав на рыбные угодья у Скагоса.

— Что за спор на этот раз? Брэндон Старк устало спросил: «Это серьезно или это просто еще одно состязание по мочеиспусканию?»

— Лорд Карстарк утверждает, что суда Мандерли выловили больше рыбы, чем было отведено им по приговору короля Джейхейриса Первого, — сказал Лювин, просматривая пергамент. «Лорд Мандерли утверждает, что лорд Карстарк, цитируя слова лорда Мандерли, «говорит из своей задницы», и далее заявляет, что именно Карстарки ловят больше, чем их доля».

«Знаем ли мы, кто прав?» — спросила Кейтилин Старк, сидя по правую руку от Брэндона, в флисовом халате на плечах, защищающем от утреннего холода; даже летом Север напоминал о том, что зима никогда не за горами.

Лювин покачал головой. — Не на основании информации, представленной в этом письме, миледи.

— Тогда поместите это в стопку «расследования», — сказал Брэндон. Лювин кивнул и бросил письмо в соответствующую стопку. Когда Брэндон просматривал корреспонденцию дня, большую часть которой составляли споры, переданные ему на рассмотрение, произошло одно из двух. Во-первых, в тех случаях, когда правильное и неправильное в данном вопросе не оспаривалось, решение выносилось тут же и тут же, обычно с быстрым нацарапанным собственноручно Брэндонем внизу письма «Подтверждено». Такие дела обычно уже рассматривались, и Брэндону оставалось только одобрить их. Во-вторых, в случаях, когда факты оспаривались, Брэндон отправлял заслуживающих доверия людей для расследования фактов и вызывал участников спора и любых свидетелей в Винтерфелл, где Брэндон допрашивал их и выносил решение.

Эти суждения почти всегда вызывали ворчание со стороны стороны, принявшей решение против них, но, к счастью, никто еще не оспаривал законность суждений Брэндона. Если бы Брэндону пришлось приговорить кого-нибудь к смертной казни, все могло бы быть по-другому, но, к счастью, это испытание еще предстояло. Тем не менее, Кейтилин знала, ее муж тайно тренировался с топором на случай, если ему придется собственными руками отрубить голову преступнику. В эти ночи он обычно приходил к ужину угрюмым.

— Пункт двадцать четвертый, — продолжил Лювин, — рота «Закат» оставила службу Браавосу

и идет на юг против Мира.

"Хороший!" Брэндон рывкнул, и их стаканы зазвенели от удара его кулака по столу. «Я знал, что мой брат рано или поздно разорвет струны Титана. Есть новости о реакции Насильника?

— Ничего, милорд, — сказал Лювин, просматривая оставшуюся часть письма. «Похоже, нет никаких сведений о какой-либо реакции Мира на марш роты».

— Боги, я поймал дремлющую ящерицу, — свирепо сказал Брэндон, сжимая пальцы так, словно они держали Рейгара Таргариена за горло. «Ну, у него будет грубое пробуждение, не так ли? Старый Нед позаботится об этом, если я вообще его знаю. У него будет голова Насильника в мешке, прежде чем он поймет, что это не так.

Кейтилин сдержала дрожь. Она, конечно, желала добра своему доброму брату, но с таким же пылом надеялась, что он никогда не вернется в Вестерос, не говоря уже о Севере. Ее муж верил в верность своего брата так же, как она верила в Семерых, но если Брандон ошибется слишком много раз, его знаменосцы бросятся отменять его в пользу знаменитого, проверенного, цельного Эддарда; у нее не было никаких иллюзий относительно собственных шансов на выживание в этом случае, не говоря уже о шансах младенца под ее сердцем.

Однако пока этот день не наступил, лучшее, что она могла сделать, это укрепить власть своего мужа любым возможным способом и утешить себя сознанием того, что Рейгар Насильник тоже был опасным человеком, а те, кто охранял его, — еще более опасным. Она не очень хотела, чтобы ее хороший брат погиб на чужом поле от меча сира Артура Дейна или сира Барристана Селми, это было бы слишком близко к убийству родственников для утешения, но это устранило бы по крайней мере одну опасность для ее мужа. дорожка.

— Пункт двадцать пять, — продолжал Лювин, беря в руки еще одно письмо. «Просьба от лорда Хорнвуда усыновить его сына Дэрина, когда он достигнет нужного возраста, в ответ на ваше заявление о том, что вы открыты для усыновления».

— Во что бы то ни стало, — мгновенно сказала Кейтилин. «По крайней мере, моему сыну понадобится подходящий товарищ для игр».

«И в то же время мы сможем обеспечить лояльность Хорнвуда и сейчас, и когда Дэрин унаследует», — сказал Брэндон, улыбаясь жене. «Отправьте Галису наше одобрение в завтрашней переписке».

— Пункт двадцать шестой, — бубнил Лювин, поднимая еще одно письмо. «Доклад лорда Мандерли о ценах на пшеницу в Королевской Гавани... ».

<http://tl.rulate.ru/book/82264/2576843>